

В новой экранизации романа Чарльза Диккенса «Оливер Твист» (режиссер Роман Полански) сэр Бен Кингсли играет мошенника Феджина. Он принимает эстафету от сэра Алека Гиннесса, сыгравшего эту роль в версии 1948 года, и Рона Муди, исполнившего роль Феджина в мюзикле «Оливер!» (1968).

— Вы в курсе, что Диккенса критиковали за то, что он сделал еврея отрицательным персонажем? Вы чувствовали, что находитесь в деликатном положении?

— Нет, я не чувствовал ничего подобного.

— Роман Диккенса обвинили в антисемитизме, и в книге «Наши общие друзья» он специально показывал симпатичных персонажей-евреев, чтобы доказать, что он не антисемит.

— Думаю, Роману Поланскому не нужно доказывать, что он не антисемит. (Смех.) Мы с ним никогда не говорили об этом. Роман дал мне полную свободу выбора внешности и манер Феджина. Я не думал о его национальности, и, как мне кажется, Роман — тоже. Думаю, он сознательно избегал разговоров о национальности Феджина, чтобы это не стало барьером между мной и героем. И я действительно не считаю национальность Феджина важной. Когда я играл Гамлета, мне и в голову не приходило, что мне нужно помнить о его национальности. Я не говорил себе: «Ах, Гамлет — датчанин, я должен надеть белокурый парик!»

— Трудно поверить, что вы играли его как человека без национальности.

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Думаю, Роман хотел, чтобы я сыграл Феджина, потому что я играл Саймона Визенталя, Исаака Штерна и Отто Франка, отца Анны Франк. Я носил желтую звезду на рукавах трех разных пальто, и, поверьте, это накладывает на актера определенные обязательства. А еще я играл Моисея. И гангстера Мейера Лански. А теперь я сыграл Феджина.

— Обычно вы придумываете вашим героям био-

Бен Кингсли: «Кино привлекает сильнее театра»

Сьюзен ХОУАРД

графии. Что вы придумали для Феджина?

— Мне нравилось вообразить, что Феджин тоже сирота, как и Оливер. Я представлял себе, что он приехал в Лондон вместе с дедом и бабушкой, не говорившими по-английски. Возможно, его предки много путешествовали по свету, и в его крови намешаны разные национальности. Возможно, они спасались от погромов. Думаю, он оказался в Лондоне, не зная ни слова по-английски, и в детстве был ужасно одинок. Ему не было к чему стремиться, потому что его мир был ограничен одной улицей. И он мог стремиться только к одному — стать самым крутым мальчишкой на этой улице. Он дитя своего времени, ни хороший, ни плохой, просто такой как есть. У него нет семьи, и он делает детей-беспризорников своей семьей.

— Семья, путешествовавшая по свету, — это автобиографический элемент?

— Интересно — об этом я не думал. Действительно, мои предки из Индии, дед жил в Занзибаре, отец приехал в Англию из Кении. Но, вы знаете, единственное сознательное воспоминание, использованное при создании образа Феджина, — торговцев-старьевщиков, которого я видел ребенком. Мы жили в Манчестере, в старой части города, она называется Шамблс, и атмосфера там была очень диккенсовская. В лавке того старьевщика были горы зонтиков, кастрюль и сковородок. Он носил пальто, которое не застегивалось, а подвязывалось веревкой на поясе. Носил перчатки без пальцев, и руки у него были совершенно черные от металлической окиси.

— Трудно ли было привыкнуть к гриму и муляжам зубов, и помогло ли это войти в роль?

— Я сам их подобрал. И внешность, и голос. Я до сих пор помню голос того старьевщика. Однажды мой брат спросил, нет ли у него редкой викторианской марки, так называемой «черной пенни». Брату в то время было лет десять. «А купить луну ты не хочешь?» — ответил старьевщик и засмеялся. Это и был мой Феджин. Я помнил его все эти годы. Мне хотелось, чтобы зритель смотрел на него глазами Оливера, глазами маленького ребенка, потому что все персонажи в книге показаны через его восприятие. Светлый ангел и темный ангел сражаются за душу ребенка. Мистер Браунлоу и Феджин сражаются за душу Оливера.

— Судя по результату, вам очень нравилось играть Феджина.

— Я получил огромное удовольствие. Как только я вставлял в рот фальшивые зубы, становился Феджином. Сгибал колени, спину, шею. Я приходил на съемочную площадку, чувствуя себя Феджином. Ходил по студийным коридорам походкой Феджина. Я приходил на площадку и спрашивал Романа Поланского: «Кто вы такой? Что вы здесь делаете?» Он отвечал: «Я снимаю фильм!» — «С чего вы взяли, что это фильм?» Мне нравилось представлять себе, что все происходит в реальности. Я не выходил из образа после команды «Стоп!», и мне нравилось, как смотрели на меня дети. И в кадре, и за кадром они смотрели на меня с одинаковым страхом и удивлением. Это был точь-в-точь взгляд моего брата, когда старьевщик сказал ему насчет луны. Мне не хотелось, чтобы дети увидели меня в моем настоящем виде и произнесли: «Ах, это не Феджин!» Они бы стали относиться ко мне совершенно иначе.

— Наверное, дети сыграли намного лучше из-за

того, что вы все время оставались в образе героя.

— Они очень помогли мне, и я рад, если мне удалось помочь им. Актеры должны поддерживать друг друга. Недавно я снялся с Аннетт Бенинг в фильме «Миссис Харрис», и все лучшее, что мне удалось найти в моей роли, — ее заслуга.

— Диккенс был социальным критиком, верившим в человека. Как вы думаете, многое ли изменилось за прошедшие годы?

— Увы — гораздо меньше, чем хотелось бы. Я надеюсь, что после премьеры этого фильма люди будут обращать больше внимания на работу таких организаций, как First Star, Save the Children, Princess Trust, UNICEF, UNESCO, помогающих детям. Три месяца назад я ездил в Афганистан с миссией Save the Children и был потрясен тем, как приходится работать людям среди нищеты, голода, невежества. Мне хочется верить, что люди посмотрят фильм и вспомнят о людях, которые живут в палестинских лагерях и в трущобах Мумбаи. К сожалению, нищета осталась. Она просто переместилась из Лондона в другие места.

— Значит, Диккенс сегодня так же актуален, как сто лет назад?

— Актуальность писателя — не только в тематике его творений, но и в художественном уровне. Диккенс — великий писатель. Он создал героев, переживших время, он описал их приключения и эмоции так, что люди до сих пор зачитываются и восхищаются. Он не устареет, как не устареет музыка Моцарта. Мы ходим на концерты Моцарта и слушаем музыку, написанную 200 лет назад. Актуальна ли она? Наверное.

— Десять лет назад вы снялись у Поланского в фильме «Смерть и дева».

Вы поддерживали контакт с тех пор?

— У меня остались прекрасные воспоминания о съемках «Смерти и девы», и после съемок мы переживали и переписывались. Когда я бывал в Париже, мы встречались. Потом он предложил мне Феджина. Мы встретились на кинофестивале в Довилле: Роман был председателем жюри, я одним из членов. Сидеть за одним столом с Романом и обсуждать фильмы было очень интересно — он сохранил все ту же энергию, любопытство и уверенность в собственных силах. А после фестиваля он предложил мне сняться в экранизации «Оливера Твиста» в любой роли, которая мне по вкусу. Я знал, что он идеальный режиссер для такого фильма. Здесь был нужен человек, равный Диккенсу по масштабу.

— Дети не боялись сниматься у знаменитого режиссера?

— Дети в режиссерах не разбираются, и я думаю, это даже к лучшему. Они не испытывали священного трепета, и Роман обращался с ними, как с родными детьми. Его дочь примерно одного возраста с Барни Кларком, игравшим Оливера, и остальными актерами-детьми, поэтому он мог говорить с ними на их языке.

— Вы смотрели «Оливера Твиста» с Алеком Гиннессом?

— Нет. Я не хотел, чтобы его игра повлияла на мою игру. Я хотел сыграть своего Феджина.

— Есть ли среди молодых поколения режиссеров творцы, сравнимые с Поланским?

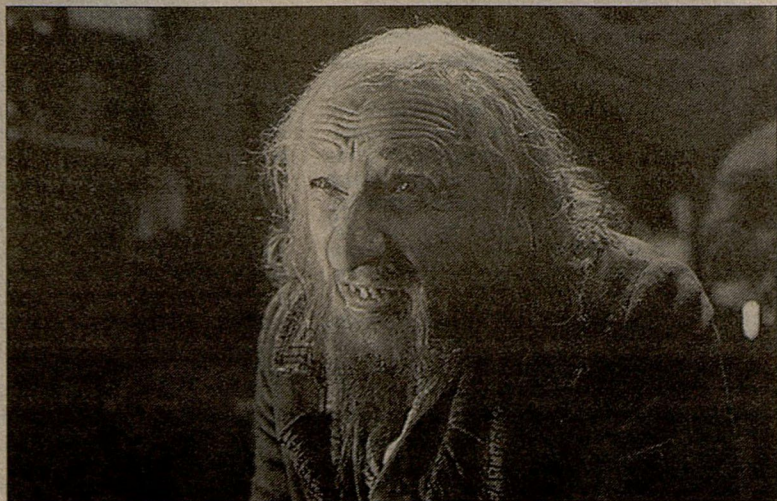
— Боюсь, такие режиссеры, как Роман, сегодня находятся на грани вымирания. Впрочем, в новом поколении есть интересные люди — например, Джонатан Глейзер, я снялся у него в фильме «Сексуальная тварь».

— После этого фильма вам много раз предлагали роли гангстеров.

— Я не люблю повторяться. Жизнь слишком коротка.

— Вы не собираетесь вернуться на сцену?

— Пока нет. Кино привлекает меня гораздо сильнее. Я чувствую себя как художник, переключившийся с батальных картин на портретную живопись.

Экран и сценарий —